

В.-А. Ю. Дегтярь

ЛЕВ КАК СИМВОЛ КНЯЖЕСКОЙ И ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена символу льва в русской средневековой культуре и его связи с христианской семантикой. Автор исследует, как символическая культура христианства влияла на изображение власти в средневековом мире.

Ключевые слова

лев, средневековый символизм, славянский бестиарий, христианство, христианский символизм, власть, Физиолог

Изучение средневековой истории невозможно без знакомства с ее символической культурой. Эта область открывает способ мышления человека Средневековья: в вопросах теологии, искусства, понимания всего окружающего мира. В том числе символическая культура показывает, каким образом человек Средневековья воспринимал власть и взаимодействовал с ней.

Необходимо заранее отметить, что символизм средневековой мысли предполагал рассмотрение всякого предмета как изображения чего-то ему соответствующего в области духовного и вечного [Лихачев 1971, с. 175]. Слово означает вещь, а вещь, в свою очередь, означает некую другую вещь или даже несколько вещей [Махов 2017, с. 17].

История символического толкования окружающего мира тесно связана с историей распространения христианства, поскольку уже апостолы, а затем Ориген Александрийский осмыслили и истолковывали символически Ветхий и Новый Заветы – Слово, данное Богом человеку [Сафонова 2017, с. 178–179]. Но что еще было дано человеку от Бога – окружающий мир, божественное творение, которое также нуждается в экзегезе, как и священные тексты. «Расшифровка» символических значений и поиск связи между миром земным и духовным были предметом средневековых изысканий.

Цитирование: Дегтярь В.-А. Ю. Лев как символ княжеской власти // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 10–15.

Светская символика льва неразрывно связана с символикой христианской, которая, в свою очередь, своими корнями уходит в ветхозаветную, греко-римскую и раннехристианскую культуры. Постараемся вкратце привести характеристику символа льва в контексте связанных между собой ветхозаветной и раннехристианской традиций, ограничившись информацией о том, что в греко-римской культуре лев неоднократно появляется в трудах первых натуралистов – Аристотеля, Плиния, Диоскорида, Элиана [Шарбонно-Лассэ 2017].

Наиболее важным источником по символике природного и животного мира является памятник раннего христианства, пришедший на Русь из Болгарии через византийскую церковную традицию – предположительно в X–XI в. – Александрийский Физиолог, популярный на Руси вплоть до XVII в. Физиолог – сочинение бестиарного типа, где каждой природной особенности зверя дается религиозное символическое аллегорическое истолкование [Сафонова 2017, с. 177–178]. Именно в тексте Физиолога лев впервые назван «царем зверей», после чего приводятся три свойства животного, уподобляющих льва Христу. Таким образом, представление о льве как о царе животного мира приходит на Русь из раннехристианских представлений об этом звере, которые, в свою очередь, основываются на библейском сопоставлении Иуды, сына Иакова (чьими потомками будут цари Давид и Соломон, а после и Христос) со львом – «Сын Иуда скимен, от леторасли сыне мои възде, възлег и поспа яко лев и яко скимен, кто възбудит и, и не скончается князь от Иуды ни стареишина от чресл его» (Быт. 49:9) [Острожская Библия, 1581] (далее ОБ. – В.-А. Д.) («Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица; кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его» [Синодальный перевод, 1990] (далее Синод. п. – В.-А. Д.)).

Христос – «мысленный лев» из колена Иуды: «И един от старецъ глаголя ми, не плачися, се победилъ естъ левъ иже сын от колена иудова корень давидов, разгнути книгу, и разрешити седмь печати ея» (Откр. 5:5) [ОБ] («И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее» [Синод. п.]), сопоставляется со львом из Физиолога, первое свойство которого – привычка заметать хвостом свои следы, чтобы охотники по следам не могли найти его логова и поймать его. «Тако и Спасъ мои, разумнии левъ, одолевъ, ис колена Иудова, корень Давидовъ <...> покрьи разумней плесне, сиречь божество. Съ ангелы яко аггелъ, съ архаггелы архангелъ, с престолы спрестолень, с властью властель до шшествия Его. И вниде въ утробу Богородица Марья, яко да спасеть прелщени чловечски родъ: “Слово плоть бысть и вселися в ны” (Ин. 1:14. – В.-А. Д.). Сего же неразумющеи вышня силы шшедшаго Господа Христа. Таже Давыдъ рече: “Господь силамъ, То естъ Цесарь славы” (Пс. 23:10. – В.-А. Д.)» [Ванеева 1996]. Словосочетание «Цесарь славы» («Царь Славы») так же соотносится со львом как христологическим и царским символом одновременно.

Второе «свойство» льва в Физиологе: когда лев в пещере спит, «...бдита ему очи, отверъсте бо ему еста вежди. Якоже Соломонъ послушествуетъ в Пениих, глаголя: “Азь сплю, а сердце ми бдитъ” (Песн. 5:2. – В.-А. Д.). Плоть бо Господь мои на кресте успе, а божество Его одесную Отца бдяще. “Не въздремлетъ бо ни уснетъ храня Израиля” (Пс. 120:4. – В.-А. Д.)» [Ванеева 1996]. Именно это представление о льве как защитнике и хранителе лежит в основе широко распространенного использования различных изображений львов в качестве стражей (в том числе и царского престола) [Пчелов 2011, с. 70].

Третье свойство льва связано с представлением о том, что львица рождает своего детеныша мертвым и охраняет его, пока на третий день не приходит отец и не «...дунеть на лице ему и въставить <...> Тако и Богъ Вседеръжитель, Отець всемъ, третии день въстави первороженаго своего Сына и прежесущаго всякого здания, Господа нашего Иусу Христа, яко да спасеть прелщени роль чловечьскии. Добре убо Ияковъ рече,

“и яко скимень, кто въставить” (Быт 49:9. – В.-А. Д.) и прочее» [Ванеева 1996]. Эта сцена не только иллюстрирует воскрешение Богом (львом) Христа (львенка, скимна) на третий день, чтобы Иисус спас людей, но и сопоставляется с местом из книги Бытия – «И созда Бог человека, персть взем от земля, и вдуноу в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу» (Быт. 2:7) [ОБ] («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Синод. п.]), где Бог «вдыхает» в человека жизнь, так же как лев «дунуть на лице» скимна и «въставить».

Итак, согласно христианской традиции, лев – и царственный зверь, соотносимый со Христом, и бодрствующий страж, сопоставляемый с Богом.

Ещё один памятник раннего христианства, известный на Руси с XI в. и повлиявший на символическое «наполнение» фигуры льва – Синайский патерик – византийский сборник рассказов о святых отцах и эпизодах из их жизни. В словах Патерика символика льва не единожды позволяет понять детали и мотивы сюжета, особенности самого патерикового жанра.

Прежде чем остановиться на одном эпизоде, связанном с царственной природой льва, необходимо отметить основные мотивы и символические значения, возникающие в патериковых «повестях». Лев, как и в Физиологе, на страницах Патерика выступает как символ Христа (Слово 134 [Гольшченко, Дубровина 1967, с. 182–187]), ученика Христа (Слово 134, 235 [Там же, с. 182–187, 266–267]). Мотив появления льва всегда связан с праведностью святого: дикий зверь одолевается святым также, как им одолеваются искушения (Слово 116, 231 [Там же, с. 163–164, 261]), подчиняется приказу святого отца (Слова 2, 22, 126, 134, 235, 258 [Там же, с. 43, 56, 173–175, 182–187, 266–267, 288–289]), свершает Божью волю (Слово 126 [Там же, с. 173–175]), ведет себя неестественно для хищника – отказывается от мясной пищи (даже принимает евхаристию!) или живет в мире с человеком (Слова 2, 134, 164, 231, 235, 258 [Там же, с. 43, 182–187, 261–262, 266–267, 288–289]) – или вовсе поступает или выражает свои эмоции «акы человекъ» (Слова 126, 134 [Там же, с. 173–175, 182–187]), что отсылает к библейскому образу льва как свидетельства божьего мессианского царства: плотоядное по своей природе животное, лев, в пророчестве Исаии мирно пасется с ягненком и другими его привычными «жертвами» в момент прихода царства Мессии – «И напасется въкупе волк съ агньцемъ, и рысь почиеть съ козлищемъ, и юнецъ со львомъ вкупе напасутся» (Ис. 11:6) [ОБ] («Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе...») [Синод. п.]).

Хочется обратить особенное внимание на Слово 146 [Гольшченко, Дубровина 1967, с. 194–197], где образ льва возникает не прямо, а косвенно, через имя святого. Патериковая «повесть» посвящена иноку Льву из Каппадокии, который перед братьями утверждал, что будет царствовать «веруйте ми чада. царствовати имамъ», хотя никто ему не верил «от кападокия никто же царствова» [Там же, с. 195]. В итоге, ему удается пожертвовать собой ради ближнего своего – инока Иоанна, после чего все поняли, что он имел в виду, говоря, что будет царствовать как тот, кто положит душу за брата своего: «...и исполъни авва львъ книги глаголющая. да положить душу свою за друга своего. тогда и мъ разумехомъ яко се еже глаголяше яко царствовати имам абие бо царствова положивъ душу свою за брата своего» [Там же, с. 197]. В данном сюжете святой вместе с именем перенимает символическое значение льва как храброго животного, с которым сравнивают праведника – «Бегаеть нечестивый ни единому же гонящу, праведный же яко левъ надеяся» (Притч. 28:1) [ОБ] («Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев» [Синод. п.]) – а царственная символика льва возникает в контексте жертвы за другого: как Христос-царь пожертвовал жизнью за каждого грешника.

Итак, осуществив первичное знакомство с христианской символикой льва, представляется возможным перейти к символике светской, конкретно – к рассмотрению

льва как символа княжеской и царской власти на примерах отрывков из Ипатьевского летописного свода и Казанского летописца.

В монографии «Бестиарий Московского царства» Е. В. Пчелов отмечает, что домонгольская Русь уже знала образ льва и активно им пользовалась. Как известно, особенно часто изображение хищника встречается в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси (2-я пол. XII в. – 1230-е гг.). Анализируя разные изображения льва, автор раскрывает их функции и связь с христианскими представлениями об этом животном. Наиболее часто встречающиеся символические функции: охранительная, геральдическая (лев – эмблема Галицко-Волынской ветви Рюриковичей, начиная с Льва Юрьевича) и функция обозначения власти правителя, а к эпохе Московского царства изображение льва, помимо прочего, использовалось и для подчеркивания военно-победоносного его значения [Пчелов 2011].

Представляет интерес изображение льва в текстах светской культуры, которая была не вполне отделена от культуры церковной. В Галицко-Волынской летописи великий князь Роман Мстиславич в своей ярости по отношению к язычникам уподобляется летописцем несколькими животным: льву, рыси, крокодилу, орлу и быку: «[в] лето 6709 (1201. – В.-А. Д.) Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галицкого»; «...ума мудростью ходяща по заповедемъ Божиимъ: устремилъ бо ся бяше на поганяя яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бе яко и туръ (бык. – В.-А. Д.)» [Ипатьевская л., с. 155]. Уподобление льву используется для подчеркивания силы, жестокости (как у хищного зверя), храбрости князя, который, как и лев, царственное животное, символика которого напрямую ведет к фигуре Христа, ревнует о хождении перед Богом по Его заповедям, в чистоте.

Далее фигура льва вновь возникает при упоминании Романа Галицкого как ярого противника язычников в рассказе о Данииле Галицком, его сыне: «...иже бе изострилъ на поганяя, яко левъ, имъ же Половци дети страшаху» [Ипатьевская л., с. 187]. Уподобление льву происходит по «хищническим» признакам и возникает как формула при описании князя-ревнителя, устремляющегося и изостряющегося на язычников.

Широко используется фигура льва в Казанском летописце для изображения правителя праведного и неправедного, а также храбрых воинов.

В одном из эпизодов царь Иван Грозный узнал о сговоре казанцев с боярами и устроил им допрос, проявив «львиную» реакцию: «Онъ же възъяряся велми и рыкнувъ, аки левъ <...> и попытавъ, христьянсти губители, бесерменских поноровниковъ...» [Казанский летописец, стб. 56]. Вполне вероятно, данное место отсылает читателя к библейской символике, где рык льва соотносится с гласом Божиим – «Лев взревет, и кто ся не убоить, Господь Бог глагола, и кто не проречеть» (Амос 3:8) [ОБ] («Лев начал рыкать – кто не содрогнётся? Господь Бог сказал – кто не будет пророчествовать?») [Синод. п.].

Ещё один контекст, в котором возникает уподобление льву – сцены битвы. Грозный, видя, что казанцы никак не поддаются, «...яко левъ рыкание страшно испустити» [Казанский летописец, стб. 147], а русские воины уподобляются разным зверям и, в том числе льву: «яко лвы рыкаху возхитити лова...» [Там же, стб. 161].

Казанский правитель Мамотяк тоже уподобляется льву, но не только ему: «И прятъ по немъ царство Казанское сынъ ево Мамотякъ, отъ скоропеа змеи, ото лва лютыи зверь, кровопица же» [Там же, стб. 20], «...и се брань противъ творящего яко левъ ревы, яко змии страшно огнем дышуще...» [Там же, стб. 18].

Как скорпион, так и змея обладают не лучшей репутацией в бестиарном мире Русского Средневековья [Белова 2001]; что касается льва, возвращаясь к главному источнику его символики – Библии, помимо вышеперечисленных положительных его значений, лев также соотносится с дьяволом – «трезвитесь, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ диаволь яко левъ рыкая ходить иски кого поглотити» (1-е Пет. 5:8) [ОБ]

(«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» [Синод. п.]). А в традиции славянского бестиария лев может выступать символом несправедного правителя [Белова 2001].

Символика льва в период русского Средневековья весьма обширна и требует дальнейшего изучения, а также уточнения уже знакомых значений. Помимо богатого визуального материала, который свидетельствует об использовании льва как символа власти, охраны и силы, его «властная» семантика подтверждается и укрепляется христианской традицией: интерпретацией льва как царя животных, а также символа Бога, Христа и всяческих других интерпретаций, так или иначе связанных с христологическими значениями. Знакомство с памятниками раннехристианской литературы, известной на Руси, дает основание полагать, что христианская символика льва имеет серьезное и прямое влияние на использование этой фигуры в текстах светских, таких как летописи. Лев как символ власти имеет и положительные коннотации, и отрицательные, которые начинают «работать» при изображении несправедного правителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Ипатьевская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1843. IX, [4], 377, [4] с.

Казанский летописец — Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 496 с.

Острожская Библия — Острожская Библия. Острог: Иван Федоров, 1581. 628 л.

Гольштенко, Дубровина 1967 — Гольштенко В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик. М.: Наука, 1967. 412 с.

Синодальный перевод — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). М.: Всесоюзный совет Евангельских Христиан-Баптистов, 1990. 286 с.

Ванеева 1996 — Ванеева Е. И. Физиолог. СПб.: Наука, 1996. 167 с.

Литература

Белова 2001 — Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

Лихачев 1971 — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971. 411 с.

Махов 2017 — Махов А. Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 9 (30). С. 20–36.

Пчелов 2011 — Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства. Животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII века. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.

Сафонова 2017 — Сафонова Н. В. Александрийский «Физиолог» и ранняя библейская экзегеза // Власть. 2017. № 1 (25). С. 177–179.

Шарбонно-Лассэ 2017 — Шарбонно-Лассэ Л. Бестиарий Христа / пер. с фр. В. Ткаченко-Гильдебрандта. М.: Велигор, 2017. 576 с.

Сведения об авторе

Виктория-Аннета Юрьевна Дегтярь, студентка 4-го курса
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл. 6.
viktoryannete@gmail.com

V.-A. Yu. Degtiar

LION AS A SYMBOL OF POWER OF PRINCES AND TSARS

Abstract

The article is devoted to the symbol of the lion in the Russian medieval culture and its connection to the Christian semantics. The author explores how the symbolic culture of Christianity influenced the image of power in the medieval world.

Keywords

lion, medieval symbolism, Slavic bestiary, Christianity, Christian symbolism, power, Physiologus